

С.Ю. Витте и общественное мнение дореволюционной России*

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

S.Yu. Witte and public opinion in pre-revolutionary Russia

В книге петербургской исследовательницы Э.О. Сагинадзе показано, как в общественном мнении и в представлениях околоставных кругов Российской империи конца XIX – начала XX в. формировался и воспринимался образ графа С.Ю. Витте, более десяти лет занимавшего пост министра финансов, в 1903 г. ставшего председателем Комитета министров, а с конца октября 1905 г. возглавлявшего Совет министров – первое в русской истории «объединённое» правительство. Из названия монографии может возникнуть обманчивое впечатление, будто она посвящена лишь последним девяти годам жизни Сергея Юльевича – времени после отставки в 1906 г. его «кабинета», когда граф вынужден был ограничиться скромной ролью одного из членов Государственного совета. Однако на самом деле автор выходит за эти рамки и анализирует изменение представлений современников о Витте на протяжении всей его государственной деятельности.

Сагинадзе указывает на два подхода к изучению образов власти. Первый используется Р. Уортманом в его фундаментальном исследовании «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии», где приоритетное внимание уделено политическим субъектам – монархам, которые признаются непосредственными творцами и выразителями «сценариев» своего правления. Другой подход характерен для Б.И. Колоницкого, анализирующего не только создаваемые «сценаристами» образы власти, но и их восприятие «зрителями», которым они предназначались. Автор книги считает второй подход «наиболее плодотворным» (с. 18), но не уточняет, следует ли излагать замыслы «сценаристов» и оценки «зрителей» соразмерно или допустимы перекосы в ту или иную сторону. Во всяком случае, сама Сагинадзе гораздо больше пишет именно о «зрителях», причём не только после 1906 г., но и в предшествующий период. Безусловно, это по-своему оправданно, но не позволяет разглядеть многие важные черты и детали целенаправленно создававшегося политиком образа, а значит, и понять, как они усваивались

публикой. Между тем для разгадывания образов власти не монархов, а именно приближённых к ним чиновников высокого уровня особенно важно оценивать производимое ими впечатление в тесной увязке с выявлением их изначальных стремлений¹. Возможно, именно из-за этого Сагинадзе вслед за А.Л. Зориним и некоторыми авторами посвящённых Витте некрологов некритически уподобляет его М.М. Сперанскому (с. 77–79). На самом же деле между «сценариями» этих государственных деятелей была пропасть.

Большой интерес представляет рассмотренная исследовательницей полемика С.Ю. Витте с А.И. Гучковым о П.А. Столыпине, развернувшаяся осенью 1911 г. – вскоре после трагической гибели главы правительства. Автор профессионально реконструирует фон и канву этой дискуссии, убедительно показывает, из-за чего сорвалась задуманная графом одновременная публикация письма лидеру октябристов в газетах разных политических направлений и почему спор пошёл на пользу не столько его участникам, сколько кадетам (в итоге письмо оказалось напечатано лишь в их органе – газете «Речь»). Но, приводя богатый фактический материал, позволяющий явственно представить ход данной газетной кампании, Сагинадзе, к сожалению, ограничивается его систематизацией и пересказом, по сути, отказываясь делать какие-либо выводы.

Исследовательница совершенно справедливо выделяет ключевой фрагмент письма Витте, в котором граф противопоставлял созданный при его непосредственном участии в конце 1905 г. и в первые месяцы 1906 г. «новый политический строй» тому режиму, который сложился затем под влиянием Столыпина. Одновременно Сергей Юльевич обвинял октябристов и их лидера Гучкова в том, что из-за них остался только «труп 17-го октября», поскольку они «лишь указывали пределы» императорской власти, тогда как «свою собственную власть довели до неограниченного, абсолютного и небывалого произвола» (с. 114–115). Этот выпад

* Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 280 с. (Серия HISTORIA ROSSICA).

Сагинадзе объясняет тем, что Витте «уловил» заметно усилившееся в обществе недовольство Столыпиным и просто «выразил мнение многих» (с. 118). Однако граф как опытный и дальновидный государственный деятель и — главное — именно как творец «нового политического строя», существовавшего в России после утверждения 23 апреля 1906 г. новой редакции Основных законов, не мог не понимать, что выстроенная Столыпиным система сложного, конфликтного, приводившего к регулярным кризисам, но всё же более или менее состоявшегося взаимодействия правительства и представительства была единственно возможной в рамках «апрельской конституции» 1906 г., а корректировка избирательного законодательства 3 июня 1907 г. являлась неизбежным шагом, без которого эта самая «конституция» оказалась бы нежизнеспособной.

Но, похоже, Витте все последние годы своей жизни надеялся вернуться к власти (хотя, как справедливо констатирует Сагинадзе, у него не было на то никаких шансов). Скорее всего, именно с этой целью он и затеял шумную газетную кампанию, явно рассчитывая на то, что его письмо будет прочитано царём. Граф намеренно задевал весьма болезненную для Николая II тему, упрекая покойного Столыпина в том, что при нём правительство стало откровенно посягать на prerogative самодержца. Собственно же октябристы, с 1909 г. стремительно утрачивавшие роль главной проправительственной думской фракции, и их лидер, вызывавший у императора нескрываемую антипатию, видимо, казались Витте наиболее удобными оппонентами. Вероятно, расчёт состоял в том, чтобы, окончательно дискредитировав октябристов, добиться ещё большего их ослабления, лишить их возможности выступать в роли силы, обеспечивающей устойчивость третьиюньской системы (националисты, на которых надеялся Столыпин, после его гибели едва ли могли сохранить свои позиции), вызвать новый — уже неразрешимый в рамках «конституции» 1906 г. — кризис и в итоге вынудить императора в очередной раз в тяжёлой ситуации обратиться к Витте за помощью.

Благодаря собранному в книге материалу хорошо видно, насколько общественные деятели и представители правительственных сфер были не готовы поверить в то, что в 1906 г. Витте отошёл от дел навсегда (с. 147). Да и сам граф, как справедливо пишет исследовательница, оставался не только объектом пересудов, но и активным политиком, не желавшим прозябать в отставке и готовым ради нового взлёта идти на сближение с кем угодно, даже с одиозным Г.Е. Распутиным. Но именно поэтому трудно согласиться с тем, что вовсе не Витте являлся

«главным распространителем» слухов о себе самом (с. 140). Конечно, на сегодняшний день нет сколько-нибудь достоверных свидетельств о том, что он прямо или косвенно их инспирировал, поддерживая интерес к своей особе и подготавливая тем самым возвращение к власти. Но у графа были несомненные способности к такого рода деятельности, и прежде он неоднократно пользовался подобными способами работы с общественным мнением. Например, доподлинно известно, как минимум, четыре интерпретации его отставки с поста министра финансов в 1903 г., к созданию которых он имел самое непосредственное отношение².

При изучении проблем, связанных с целенаправленным распространением слухов и образов тех или иных фигур, имеющих отношение к власти, и в целом — с семиотическими аспектами политической истории, исключительно важно уделять самое пристальное внимание контексту. Верная оценка фона, выявление скрытых или неочевидных причин, побуждавших совершать определённые поступки, повторное — после подобной контекстуализации — уточнение интерпретации фактов — таков примерный алгоритм воссоздания целостной картины политических событий.

Досадно, что исследовательница, проделав весьма кропотливую и чрезвычайно результативную работу по анализу непростых источников, проследив, как образ Витте угадывался в героях театральных постановок, преломлялся в общественных и политических фобиях эпохи и в партийно-идеологических размежеваниях и спорах, упустила из виду одну существенную деталь, лежащую, к тому же, практически на поверхности. Так, рассказывая о развёрнутой графом в январе 1914 г. кампании, нацеленной на дискредитацию возглавлявшего тогда правительство В.Н. Коковцова, и о параллельном складывании целой будто бы «провиттевской» коалиции из главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, издателя «Гражданина» кн. В.П. Мещерского, а также Г.Е. Распутина, Сагинадзе не говорит о том, что как раз вследствие всех этих действий страна получила нового-старого председателя Совета министров — И.Л. Горемыкина. Между тем это обстоятельство нельзя не учитывать при рассмотрении политической активности Сергея Юльевича в последние месяцы его жизни. На протяжении более двух десятилетий Витте и Горемыкин соперничали друг с другом как в силу сугубо бюрократических, карьерных и ведомственных причин, так и по политическим мотивам³. После назначения Горемыкина главой МВД противостояние между ним и министром финансов стало нарастать и впервые в истории российской высшей бюрократии

вылилось в публичный спор на злободневную тему — о судьбе земства⁴. Покинув МВД, Горемыкин, казалось, уже не представлял угрозы для Витте, но в 1906 г. именно он сменил графа на посту председателя Совета министров. Трудно было представить тогда более обидный и задевавший самолюбие Сергея Юльевича выбор преемника. Повторное назначение Ивана Логгиновича главой правительства в начале 1914 г., вне всякого сомнения, стало для Витте ударом, особенно болезненным после внешне успешной пропагандистской атаки на Коковцова. К сожалению, в книге Горемыкин — важнейший и знаковый соперник Витте — упоминается всего несколько раз и при этом довольно бегло.

Но, разумеется, эти соображения несколько не умаляют достоинств интересной и свежей работы Э.О. Сагинадзе, которая, безусловно, будет полезна исследователям общественного мнения и правящих кругов Российской империи.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Размышления американского историка о «Сценариях власти» в царской России // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 96–116.

² *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 883–884. См. также: *Андреев Д.А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. Ч. 1. С. 208–215.

³ О начале их взаимной вражды см.: *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой–весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1. С. 61.

⁴ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 94–113.